

**ЕКАТЕРИНА
РОМЕРО**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**ТАНЦЫ
БЕЗ ПРАВИЛ**

Екатерина Ромеро

Танцы без правил

<https://litres.ru/74056643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он старше меня вдвое, и у него в руках моя жизнь.

Я продалась ему, чтобы выжить, и он волен теперь делать со мной все что угодно.

И он будет делать. Каждую ночь. Пока я танцую для него танцы без правил.

#разница в возрасте

#неидеальный отец одиночка

#продажная или не очень любовь

#секреты, лихие 90-е

История лучшего друга Бакирова. В книге будут: Михаил и Ангел, Леший и Ира, доктор Игорь

От автора: больно и честно о жизни, любви и дружбе, а также двух очаровательных кнопках, которые так хотят семью.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Екатерина Ромеро

Танцы без правил

Глава 1

— Миш, ты звонил Толику?

— Звонил, он трубку не берет.

— Позвони еще раз.

— Ангел, он не маленький мальчик. Тоха взрослый мужик, справится.

Обнимаю жену, вдыхая любимый запах зеленых яблок. На улице детвора гудит, я уже привык, что в доме никогда не бывает тихо.

За последние годы жизнь изменилась, не то чтобы стала легче, нет. С появлением детей просто некогда стало маяться херней, мне даже выпить нет времени. Трое своих, а после еще и двух малых Толика забрали. Девочки-близняшки: Вика и Маша. Одинаковые внешне, но противоположно разные внутри.

Я думал, будет как-то проще, хотя, честно говоря, мне страшно даже представить, каково было Толику.

Мы выросли вместе, он мой друг, мой брат по духу, партнер. Мы выживали в детском доме когда-то, вместе на ноги остановились, вместе открывали бизнес.

И теперь, когда у Тохи беда, я просто рядом. Я не могу помочь ему больше, чем уже помог. Люду не вернуть, хотя мы все за нее до последнего боролись. И трехлетние дети остались без матери — вот кому точно тяжело.

У нас с Ангелом у самих уже дети, и я знаю, каково это, когда родителей рядом нет. Я бы с ума сошел, а Толик он сдался. Он боролся жену почти два года, и все зря.

А теперь он один, и он не справляется. Я уже понимаю это. Я это понял, когда недавно пришел к нему домой, а там дети голодные. Вика и Маша, и он в стельку пьяный дома лежит, никакой, никакущий просто.

Надо было вызывать опеку, отдать детей, но разве я мог. Как я мог себе такое позволить.

И тогда я просто забрал девочек и привел домой. Ангел приняла, мы оставили их себе, пока Толику не станет лучше, но ему только хуже стало.

***Опрокидываю в себя очередную стопку водки. Не помню уже какую. Не знаю, где я, не понимаю, как вообще тут отказался. После смерти Люды все стало черным, потеряло вкус, запах, тактильность.

Я словно сам потерялся, сломал к чертям все тормоза.

Она умирала от рака два года. Два чертовых года, и я бы все отдал, все, что есть у меня.

У нас родились близняшки, это такое счастье, но оно было недолгим. Вике и Маше еще и года не было, как мы услышали диагноз. Рак мозга, и все — пиздец.

Люда не плакала, за детей только переживала, а я выл. Я понимал, что это серьезно, что еще нет лекарства, а операции если и есть, то только экспериментальные.

Мы прошли все, все сделали, я хотел продать квартиру, но Миша не позволил, сам денег Люде на лечение дал. Потом снова и снова давал, он бы себе такой же дом на эту сумму построил, но все зря.

Она сгорела, растаяла у меня на руках. Я думаю, это мое наказание. За то, что не был верен Люде, я гулял, знаю. Гулял почти с момента нашей свадьбы. Я не был готов к браку, как-то мы спешили, все куда-то неслись.

Я почему-то хотел, чтобы у меня быстро сложилась жизнь. И пока Бакирова качало из стороны в сторону и он прошел все круги ада, пока, наконец, не сошелся со своим Ангелом, я все время куда-то спешил.

Спешил жениться, спешил завести детей, дом, а потом оно все, сука, сыпаться начало, точно карточный домик. И я не был настолько силен, я не был как Миша, нет. Я упал и так ударился, что долго еще не мог встать с колен.

Похороны Люды я не помню. Все в тумане, и я просто стоял у могилы, понимая, что это пиздец. Я ей не был верен, я знаю. Были у меня какие-то мимолетные увлечения, и, если честно, я не любил свою жену.

Точнее, нет, любил, но любовь прошла еще до брака, а у меня не хватало ни совести, ни чести признаться в этом Люде. Она хотела замуж, я пообещал, я сдержал слово. Но

не до конца.

Верности с моей стороны не было — видать, за это по башке и получил.

А потом я забухал так, как никогда прежде. После спиртного становилось не то чтобы легче, я просто не чувствовал. Залить свое горе казалось неплохой идеей, но в какой-то момент я потерял тормоза. Сука, я просто забыл, что дома я не один и у меня уже маленькие дети.

Ими Люда все время занималась, а я только и делал, что пахал. Работал на ее лекарства, чтобы отдать Бакирову долги, хотя он никогда с меня их не требовал.

Помню, как Миша звонил мне, а я не брал трубку, и тогда он приперся ко мне домой. Я был настолько пьян, что лыка не вязал, он запихнул тогда меня в ванную и полил ледяной водой. Я был никакой, дети на фоне плакали, и тогда он просто их забрал. Забрал от меня, а я упал на пол и вырубился.

Я оказался не готов к такому раскладу. И, честно говоря, Миша тогда спас если не меня, то хотя бы наших с Людой детей.

Я понимал, что так лучше. Не для меня — для них. Это было на время, я думал, что быстро соберусь и приду в норму, но я уходил в такие запои, что даже Бакирову не снилось.

Я бросил работу, я ни хера не жрал. Пожалуй, в тот момент своей жизни я просто хотел к Люде, да поскорее. Я сдался, а после пошел во все тяжкие.

В одной стороны, мне было жаль, что девочки у Бакирова,

но с другой — это дало мне свободу. Я снова был один, от меня никто ничего не ожидал, и бухал как не себя — вот чем я занимался, пока мои дети меня ждали в чужом доме.

Добро пожаловать в новинку!

Добавляйте книгу в библиотеку, буду рада вашей поддержке, поехали....

Глава 2

Горло обжигает, немного кружится голова. Понятия не имею, сколько я уже выпил. Но так лучше, голова отключается, я ни о чем не думаю. Хотя нет, дети. Я помню о них. Я помню.

Вызываю такси, меня привезли точно по адресу, потому что за руль в таком состоянии я просто не могу сесть.

Ночь на улице, а у Бакирова ворота высотой в три метра, и ключей у меня нет. Крепость тут, хрен зайдешь так просто. И я все ведь знаю, как калитку открыть, где ключи запасные, но сейчас я настолько пьян, что даже это не получается.

Вожусь у ворот несколько минут, Люды нет уже три месяца. И все плохо. Мне, блядь, плохо! Я виноват, знаю. Я не был ей верен! Я, сука вообще не понимаю, как так произошло.

— Миша медведь, открой!

Луплю по воротам кулаком. Собаки выть начинают, бью снова.

— Бакир!

Я пьян, бесстыже, бессовестно просто, едва стою на ногах. О, наконец загорается свет на веранде. Дверь открывается, я слышу шаги.

Не Лина, нет, он жену свою никогда на улице ночью не пустит. Любит, любит сильно, а я ведь тоже Люду любил. По-

своему, но все же. Не так, как у них, не до крови из носа, но все равно я тоже любил жену.

Она мать моих детей, а теперь в земле лежит. Одна. И света белого не видит.

Щелкает калитка, Бакиров выходит в одних только штанах.

Спал он, не думал, что так поздно.

— Привет, Миш.

— Привет.

Пожимаем руки, меня качает, тошнит.

— Я не поздно?

— Ну как сказать... Тоха, два часа ночи. Мы уже отдыхали. Хуево выглядишь. На хрена так нажрался?

— А, пройдет. Как девочки мои? Машенька. Вика.

— Да нормально. Комнату им выделили, спят уже давно.

Про тебя спрашивают часто, домой хотят.

Киваю, я нажрался — сегодня в очередной просто раз.

— Да, я понимаю. Слушай, мне уже нормально. Я их беру.

Опираюсь рукой о ворота, потому что ноги не держат. Бакиров строго смотрит на меня, а после закуривает, жадно затягиваясь сигаретой.

— Нет, Толь. Я детей тебе не отдам сейчас.

— Что? Ты че, это же дети мои! Я за ними приехал! Мои дочери!

— Ты пьяный в стельку. Какие, к чертям, дочери, с ума

сошел? Нет, я не отдам тебе девочек, пока не увижу, что ты реально в норму пришел, а не вот это все, как сегодня.

— Я за ними! Нормально все уже, клянусь!

— Ну да, ты на ногах не стоишь, а я не хочу снова забирать их голодными из дома.

— Они мои мои дети! Я должен.

— Да, твои, никто ведь и не спорит. Тоха, ты брат мне, и я хочу тебе добра — дети пока будут у нас с Ангелом. Протрезвеешь — приходи.

— Да куда тебе? У самого уже трое. Тяжело будет.

— Не тяжело. Где трое, там и пятеро, разницы особой не вижу, вывезем.

— Нет, я заберу! Отойди! Маша!

Толкаю его, но хрен там. Бакир выше и шире меня в плечах. Как страж стоит на воротах.

— Че ты делаешь? Успокойся!

— Пусти!

— Тоха, посмотри на себя: ты же пропадешь так!

Толкает меня несильно, а я падаю. Бакиров выбрасывает сигарету.

— Вставай! Блядь, ну, Толик!

Он подходит и поднимает меня, а я не могу. Едва стою, совсем что-то развезло. И рыдать охота, так больно мне. Никогда настолько жалким не был, это просто дно.

— Извини. Я просто устал.

— Брат, давай я тебе врача вызову. Игорь прокапает.

— Все нормально, нормально! Не лезь ко мне!

— Вот на хуя ты сколько бухаешь?! Тоха, это не шутки, если ты не успокоишься — я засуну тебя в рехаб!

— Да на себя посмотри в рехаб его. Пугач, блядь.

— Ладно, пошли, я тебя в гостиной положу, до утра отспишься и свалишь.

— Нет. Не хочу я. Пойду. Девочки меня не забыли, Миш?

— Нет, конечно, они по десять раз на день о себе спрашивают. Любят тебя и ждут, когда ты припрешься к ним. Трезвым.

Киваю.

— Хорошо. Я люблю их. Ты же знаешь, Миш.

— Знаю. Не переживай, оклемаешься и приходи, забережь.

— Да спасибо, брат. Спасибо.

Не помню, как добираюсь домой. Как-то. Ах да, Бакиров меня в такси посадил — так и довезли меня. Я сейчас очухаюсь и заберу девочек. Я смогу, все будет нормально.

Так я себя успокаиваю, но на деле получается иначе.

Меня не отпускает, я периодически бухаю, пропускаю работу. Бакиров это терпит. И если сначала я еще хочу забрать детей, то постепенно понимаю, что с Мишей и Линой им просто будет лучше.

Несмотря на то, что Бакиров в свое время был отбитым на всю голову бандитом, он как-то сумел приспособиться к семейной жизни и стал хорошим отцом. А я нет. У меня ни-

чего не получалось, и тогда я просто плюнул.

Я выключил это так же, как и себя. Не думать, не жить, не чувствовать.

Я был должен Мише огромную сумму денег, я был должен за воспитание детей, и тогда я просто начал работать. Как робот, без чувств. Я пахал, сутки в клубе проводил, ездил на все его задания, все делал, лишь бы не думать и не сжирать себя за то, что я сбросил лучшему другу собственных детей, точно кукушка. И прошло уже время, я трезв, но теперь мне стыдно смотреть дочерям в глаза, так что я вообще к ним не приезжаю.

Глава 3

Прошло 3 года

— Помочь, Ангел?

— Нет, я сама. Ужин скоро. Я позову.

— Ладно.

Беру сигареты, выхожу на улицу.

— Богдан, не донимай Машу! И не деритесь!

— Папа, она сама!

— Я сказал тебе: это девочка. Полегче.

Предупреждающе смотрю на сына, он глядит на меня моим же взглядом, но повинуется. Не знаю, сколько еще времени это будет работать, с каждым годом с Богданом все сложнее. Он не слушается, у него на все свое мнение, и ласков он только с матерью. Все, мне с ним сложно — возможно, потому, что мы с Бодей похожи как две капли воды и он точно такой же, каким был я когда-то. Младший сын у нас в маму, он поспокойнее, а Бодя точно колючий еж.

— Папочка, смотри!

Девчонки подбегают ко мне, держа общипанные цветы с клумбы Ангела. Аришка с Викой уже тут все вытоптали и наплели венков. Один из них уже у меня на башке сияет.

— Красиво, папа Миша?

— Да, спасибо, Викуль.

Три девочки, два пацана — мог ли я себе представить, что

у меня дома свой личный детский садик будет? И они ведь не спят, ну почти. То играют, то дерутся, то смеются, войнушки какие-то устраивают. Благо двор большой, я трехметровый забор поставил, охрану, собак, так что не пробраться. Во дворе пусть хоть дом взрывают, главное, чтоб без последствий.

— Маме понравится?

Смотрю на остатки клумбы. Все тюльпаны общипали, вот же ж стрекозы.

— Ариша, мама будет в шоке, даже не сомневайтесь.

Бросаю взгляд вперед, там Маша одна сидит на бордюре, обхватив себя руками. Надулась — ей, что ли, не хватило цветов?

Моя резвая Аришка и Вика оказались быстрее нее, а остальное Богдан с Кирюхой расхватили. А Машутка медленная и очень тихая. Интроверт, как говорит Ангел, но мы ее еще сильнее за это любим.

— Бодя, что ты сделал, почему Маша сидит там и уже вот-вот рыдать будет?

— А чего сразу я?!

— Потому что больше никому!

— Ничего! Папа, она мой водный пистолет брала!

— И что?

— Я венок у нее отобрал. На дерево повесил.

— Богдан!

— Ну а что? Так честно.

— Быстро вернул эту хрень Маше!

— Нет!

— Я сейчас встану.

Бодя фыркает, а после быстро залезает на дерево и снимает веночек с ветки. Подходит к Маше и отдает его ей.

— На, держи свои цветы. Плакса!

Закуриваю, какие же они чудные. Маленькие все, но Бодя уже школьник, девочки тоже на подходе. Кирюха мелкий только еще, но они триндец быстро растут.

Я иногда домой уставший как собака прихожу, сил нет. Ангел тоже учебу свою, наконец, закончила, врачом работает в кардиологии.

Сутки я ей не разрешаю работать, но вечером вижу, как едва доползает домой. Благо нянек хватает, повара нанял, помощников, но все равно. Пятеро детей — это не шутки, мы устаем с моей девочкой, но это скорее приятная усталость.

Иногда просто упадешь на диван, глаза закроешь, а они рядом бегают, придумывают чего-то. Главное, чтобы тихо не было, потому что тогда как раз подозрительно.

Было пару раз, думал, наконец успокоились, а хрен там. Бодя окно расхерачил, так они быстро все по комнатам поныкались, притихли, как цыплята. Или девки косметику Ангела взяли, красными помадами весь дом обмазали. Мы тогда думали, чокнемся это все от обоев оттирать.

А нет, еще недавно же было, что они войну сырыми яй-

цами на кухне устроили. Я тогда сам был дома с ними на дежурстве, седых волос на башке точно прибавилось, давление даже подскочило.

А так ничего, весело нам. Боялся я, конечно, что с тремя детьми не справимся, но, когда пять появилось, страшно уже не было. Некогда теперь бояться, надо работать и смотреть за детьми.

Тоха один остался, в запой ушел, но время ведь уже прошло, а он все еще справляется. Хуево, правда, справляется, но ни разу за эти почти три года мы с Ангелом не подумали, что Вика и Маша лишние тут.

Наши они, не родные, ну и ладно. Толика и Люды ведь дети, а значит, все равно наши.

***Поначалу было сложно. Богдан ревновал нас просто дьявольски, истерики закатывал, не принимал девчонок, но после вроде успокоился. Они тоже постепенно освоились, начали ходить в садик.

Я ждал, что в первые два-три месяца Тоха очухается, что вернется за детьми, но он еще сильнее запил. Потом вроде отошел, но не звонил, и я его не трогал. Это само должно прийти, но он не приходил, и тогда я просто плюнул. Не хочет — не надо. Мы к Вике и Маше быстро привыкли. Вика — боец, почти сразу нас мамой и папой начала называть, а Маша нет. Долго она никак вообще нас не называла, потом Ангела начала мамой Линой звать, а меня — “дядя Миша”. А потом уже и папой звала. Теперь когда как, по настроению.

Помню, Маша по Тохе очень скучала, часто вспоминала о нем, домой просилась, а я что? Что я могу сделать, если он пьет как не в себя и во все тяжкие пустился?

Нервы мотает только, дубина. Загрузил его работой, пусть клубом руководит. Трудотерапия обычно хорошо помогает.

Глава 4

— Стой, куда?

Я еще и шагу ступить не успела, как меня тут же останавливает двухметровый охранник.

— Сюда. Я на работу пришла устраиваться.

— От кого?

— От Алены! У вас такая работала — может, помнишь?

— Не помню, но ладно. Входи.

Я не вру, моя мама ее маму знает, в одной палате лечатся, ну и как-то разговорились. Я маму навещать пришла, эта Алена тоже. Хорошая она, хоть и строгая. Из другого города к матери приезжает.

А мне как раз работа нужна, ну я и спросила. Алена эта порекомендовала пойти в клуб Бакирова спросить. Это уже за дверями, чтобы мама моя не слышала, а то ей и так не до этого.

Честно говоря, у меня два ящика медалей и наград, больше сорока грамот за профессиональные бальные танцы, но судьба по-другому распорядилась, и вот я в клубе Бакирова.

Местечко, честно говоря, ахтунг. Грубое здание с яркой неоновой вывеской и жутким медведем на нем, но внутри получше: красные бархатные кресла и столы с три ряда, сцена и бар.

Сердце пропускает быстрый удар, но трусить у меня вре-

мне нет. Мне деньги нужны, каждый флакон лекарства для матери стоит баснословных денег, которых у меня нет. И взять негде: все, что можно было, я уже продала.

Мама раньше все мне на костюмы да на выступление травила, я ездила на соревнования по всей стране и не только, а потом случилась ее болезнь, и моя почти пятнадцатилетняя карьера закончилась.

Бальные туфли я сняла и медали запрятала, теперь это кажется какой-то прошлой жизнью и тем, что было не со мной.

Амбиции свои тоже пришлось затолкать куда подальше. Зачем мне все эти медали, если мама болеет раком, к чему это все?

— К кому подойти?

— К главному.

— А кто тут главный? — никак не отстаю от охранника, он окидывает меня цепким взглядом.

— Тут два хозяина. Бакир и Тихомиров Анатолий.

— Хорошо, где этот Бакир?

— Он тут почти не появляется.

Сглатываю, какой-то странный охранник, ну да ладно.

— Как вас зовут?

— Леонид.

— Леня — не томи, где второй хозяин ваш? Анатолий?

— Ну, сядь подожди — может, и придет сегодня. Можешь заказать себе что-то.

Смотрю на бар, от кофе бы не отказалась, но, если честно,

у меня денег на это нет, а они нужны, как никогда прежде. Звонила я сестре матери и даже родному отцу, которого не видела последние десять лет. Сказала про мать, они посочувствовали и попросили их больше по этому вопросу не беспокоить. Вот такая крутая поддержка родственников, хоть есть они, хоть нет их — один черт.

И все, мы с мамой сами, хотя нет. Дядя Коля еще есть, последний муж матери, но лучше бы его не было, честно.

— Я тут подожду, можно?

— Да сиди.

Усаживаюсь за крайний столик, окидываю зал взглядом. Сейчас день, на сцене девчонки тренируются. Кривовато, конечно, техника хромает на обе левые, но зато груди у них что надо, все напоказ.

Жду, как дура, этого Анатолия два часа, вздрагивая от каждого посетителя, но его нет, а у меня времени нет на сопли.

Подхожу к танцовщицам на сцене. Они как раз закончили тренировку.

— Девочки, Анатолий когда придет, не знаете?

— Не знаем. Он вообще может не приходить сегодня. А ты кто?

— Женя. Я танцовщица новая, — вру, меня еще никто не принял, но не хочу перед ними пасовать. Я много лет танцевала в коллективах разных и знаю прекрасно, что такое семейство змеиных.

— Шла бы ты отсюда, Женя.

— Спасибо за совет, разберусь сама как-то.

Улыбаюсь этим змеям, но, честно говоря, мне не привыкать. Я больше десяти лет на паркете, и чего там только не было. И стекло в туфлях, и платья разорванные перед выступлениями. Так-то я закаленная, но танцы на большой сцене пришлось оставить, и вот я тут. В каком-то прокуренном огромном клубе, где, как та Алена сказала, если понравлюсь главному, платить мне будут прилично.

Внезапно хлопает зверь, и я вижу, как в клуб входит мужчина. Не очень высокий, коренастый, широкоплечий. Лет сорок ему, не больше. Бородатый и хмурый, как гриб дождевик. На нем черные джинсы и белая рубашка с пиджаком. Я же вскакиваю, но он проходит мимо меня, держа какие-то документы в руках.

Я немного теряюсь, прижимаюсь к стене, смотрю на Леню, он мне быстро кивает. Это хозяин пришел. Мамочки.

— Анатолий! Извините, пожалуйста!

Голос что-то сел, я разволновалась, Тихомиров останавливается и строго смотрит на меня. Не старый, но уже и не юный парень. Мрачный и серьезный мужик, глаза такие страшные, почему-то уставшие, смотрит так, словно я должна ему сотку.

— Что?

— Возьмите меня на работу, пожалуйста. Танцовщицей.

Он окидывает меня жестким взглядом с ног до головы, и

на его лице не дергается ни один мускул.

Само лицо чисто мужское, но профиль красивый. Прямой нос, чуткие губы, зеленовато-серые глаза, морщинки в их уголках. Ни намека на живот, кольца обручального нет, но часы дорогие.

— Нет.

И все, пошел дальше, но я же не зря два часа сюда на трапике тащилась, чтобы услышать его простое "нет".

— Стойте! Подождите, пожалуйста!

Догоняю его, преграждая дорогу.

— Я профессиональная танцовщица, у меня почти пятнадцать лет опыта, я мастер спорта. Пожалуйста, посмотрите на мое выступление, у меня техника — лепечу, но, кажется, ему плевать. Смотрит на часы, придерживая папку документов.

— Мне плевать на твой опыт, мне не нужна танцовщица. Дверь там.

Сцепляю зубы. Что-то я не ожидала такого "теплого" приёма.

— Вам не кажется, что вы слегка грубы?!

— Не кажется. В твоих услугах не нуждаюсь.

Обходит меня, и тогда я не выдерживаю. Последний шанс:

— Мне деньги нужны! Ваш клуб мне Алена рекомендовала. Она тут работала когда-то. Сказала, не прогонит никто. Вы только посмотрите, один танец всего. Один!

Он останавливается. Кажись, среди всей моей тирады

только упоминание об Алене его и цепануло.

— На сцену иди. Покажи, что умеешь.

— Сальсу, танго или бальные? Какие у вас тут правила?

Анатолий почему-то смотрит на меня как на дуру.

— Мне похуй, у нас тут танцы без правил. Танцуй так, чтобы я захотел тебя. Две минуты.

Сглатываю, быстро поднимаюсь на сцену. Быстро выхожу за кулисы и переодеваюсь в платье, которое притащила с собой. Ну раз сказал, что танцы без правил, ладно. Покажу свое. Авторское.

Глава 5

Шаг, второй, я оказываюсь на паркете. Девушки-танцовщицы не ушли, а спустились в зал. Посмотреть на меня. И он тоже. Сидит напротив за первым столиком. Нет музыки, нет даже нормального света. Есть только я, паркет и зритель, и я становлюсь в позу. Выпрямляю спину, постукиваю пальцами ритм и начинаю двигаться.

Шаг, два, три. Шаг, два, три — это румба. На мне золотистое платье, едва прикрывающее бедра. Оно сидит на мне как вторая кожа, и я выкладываюсь так, как, пожалуй, никогда прежде. Потому что я вижу, что он смотрит, не отрываясь. Этот Анатолий пьет кофе и смотрит прямо на меня.

— Ни хрена себе...

— Во дает!

Кто-то свистит рядом, кто-то улюлюкает, но я не останавливаюсь. Я занимала первые места, и в своих танцах я уверена, в отличие от всего остального. Мне так проще. Спрятаться за образом роковой искусительницы, хотя, конечно, на самом деле это далеко не так. Нас просто этому учили. Когда выступаешь, ты должна быть уверена, ты должна зажигать, привлекать внимание. Танец — это жизнь, а я так хочу жить. И особенно хочу, чтобы жила моя мама.

— Довольно, — он прекращает все. Довольно быстро, просто поднимает руку, отодвигает кофе от себя. Останавли-

ливаюсь, танец не был закончен, но меня прервали, он прервал. Сердце колотится как у мышонка, смотрю на Анатолия со сцены.

— Я еще один могу... другое.

— Не надо другое.

Боже, ему что, не понравилось? Смотрит на меня так, словно я что-то страшное сделала.

Вижу, как перешептываются другие танцовщицы, и не могу понять. Реакция — она ведь должна быть? Или как непонятно.

— Вам не понравилось?

— У нас тут такое не танцуют.

— Так я я другое могу. Любое! Быстро выучу, любой стиль, темп, музыку даже поберу. И костюмы у меня свои.

Это унижительно, если по правде, — вот так напрашиваться, и я бы никогда, если бы так сильно не прижало. Работа нужна, а когда ты всю свою жизнь отдала одному занятию, то, честно говоря, ничего другого делать просто не умеешь.

Анатолий поднимается, я быстро спускаюсь со сцены. Подхожу к нему, он строго смотрит на меня. Ненавистно даже как-то, хотя я не понимаю, что именно во мне не так.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать.

— Ты понимаешь, куда пришла?

— Да. В клуб Бакирова.

— Почему ты сюда пришла?

— Как все.

— Я тебе вопрос задал.

— Деньги нужны, — отвечаю быстро, хоть я и не привыкла бывать в таких заведениях. Это не мое, мне здесь даже страшновато, но выбирать не приходится, и я давлю все свои амбиции, потому что знаю, ради чего мне так сильно нужны деньги.

— Анжела! Займись, — крикнул кому-то и, бросив на меня строгий взгляд, просто прошел мимо. Я же так сильно волновалась, что даже забыла спросить про зарплату.

***И я начинаю работать. Меня принимают и сразу ставят вечерние смены, самые поздние. Коллектив небольшой, но и не сказать чтобы сильно дружный. Скорее каждый сам за себя. Управляющая Анжела, охранник Леня, Карина и Соня — танцовщицы старшие. Это те, которых я успеваю запомнить.

Мои вальс и рубма тут никого не интересуют, и следующие несколько дней я учу их танцы. Это нечто среднее между эротикой, контемпом и стриптизом у шеста.

Когда я пытаюсь поставить правильные движения, меня жестко одергивают и затыкают, советы мои непрошенные тут никому даром не сдались. Все хотят побольше денег и внимания клиентов, при этом потратив минимальные усилия.

Получается у меня не сразу. Тело не слушается двигаться так развязно, грубо, резко. Линии у меня плавные, отточенные годами, но я все же выступаю и в первый вечер отдаюсь по полной. Гостей много, сегодня банкет, и нас специально

заказывают отдельно.

Праздник сегодня у какой-то шишки, и в конце выступления ко мне подходит охранник именинника, передает огромный букет цветов.

— Как вас зовут, девушка?

— Женя.

— Спасибо, Женя, Сергею Григорьевичу очень понравилось.

— Я рада. Приходите еще.

Беру букет, это белые розы, к себе цветы прижимаю, но, честно говоря, лучше бы не делала этого. Остальные девочки цветы не получили и теперь со злобой смотрят на меня.

— Выскочка.

— Мы тут такого не любим!

— Мне не надо было брать цветы?

— У нас тут у каждой есть свой постоянный клиент. Этот был Каришки. Ты обидела ее, за такое у нас по морде получают.

— Я никого не хотела обижать и не знала.

— Ну, так знай! Тут тебе не зал соревнований. Мы вместе работаем и клиентов не уводим.

— Так я не...

— Не выделяйся!

Это было предупреждение, которое я тут же уловила и, коротко кивнув, быстро спустилась со сцены. Меня не принял коллектив, все как-то было сложно. Но у меня и в мыс-

лях не было “отбивать” чужих зрителей — это же смешно просто.

И, вся в своих мыслях, я не замечаю, как врезаюсь кому-то в грудь. Подняв глаза, впадаю в ступор, так как предо мной Анатолий, и я невольно улавливаю его аромат. Он пахнет духами и сигаретами.

— Извините.

— Ты?

— Я.

Он смотрит на меня, а после на мой букет. Мрачный и очень холодный, как лед.

— Быстро же ты.

— О чем вы?

— Приваты танцуешь, — говорит он, кивая на мой букет, а я аж опешиваю.

— Я не танцевала приват. Это мне после выступления общего подарили. Я что-то не так сделала?

— Да, не так.

— Что именно?

— Пришла сюда снова.

— Вы со всеми так общаетесь или ко мне особое отношение?

— Со всеми бабами.

— Бабами? Простите, а что вас не устраивает в бабах, как вы выражаетесь? Хотя знаете — да, я ведь тоже баба. Такая же, как и вы мужик! — выпаливаю и только потом сообра-

жаю, что нельзя. Это же мой начальник, и что я несу-то вообще? Он волен выкинуть меня из клуба в любой момент, я нагрубила ему, но уже поздно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.